

3.3. Д. С. ЛИХАЧЕВ И А. А. ЗИМИН: УРОКИ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ¹

Среди лихачевской мемуаристики достаточно часто встречается драматический сюжет, связанный с академической полемикой вокруг версии истории создания «Слова о полку Игореве», выдвинутой в начале 1960-х годов историком А. А. Зиминим.

Д. С. Лихачев был принципиальным оппонентом этой версии, объявляющей «Слово...» фальсификацией. «...Древнерусский мир, в частности “Слово о полку Игореве”, представлял для него огромную ценность — не только научную, но и человеческую, — пишет в своих воспоминаниях о Д. С. Лихачеве Я. А. Гордин. — И он был готов отстаивать интересы этого мира. Иногда это приводило к драматическим и мучительным для Дмитрия Сергеевича ситуациям... В начале 1960-х годов произошло событие, стоившее Дмитрию Сергеевичу немалых нервов и здоровья. Известный и уважаемый историк, специалист по русскому Средневековью, Александр Александрович Зимин занялся исследованием “Слова о полку Игореве” и пришел к выводу, что “Слово...” написано в XVIII веке. Он сделал об этом доклад в Пушкинском Доме. Казалось бы, обычный научный спор. Разумеется, Дмитрий Сергеевич и большинство его коллег были категорически не согласны с Зиминим. Но тут в дело вмешались идеологические власти — отдел идеологии ЦК КПСС. Работа Зимина была объявлена идеологической диверсией. Академик Рыбаков настаивал на том, что это — “сионистский заказ”! Дмитрий Сергеевич оказался в очень трудном положении. Он хотел вести научную дискуссию, а от него, заведующего сектором древнерусской литературы, требовали уничтожения оппонента. <...> Дмитрий Сергеевич до конца жизни тяжело переживал эту унижительную для науки ситуацию»².

О «накале страстей» (и не только научных) вокруг этой полемики свидетельствуют и воспоминания знаменитого первооткрывателя «берестяных грамот» академика В. Л. Янина: «Некоторое “противостояние” между мной и Лихачевым относится к середине 1960-х годов, когда Александр Александрович Зимин выступил со своей концепцией <...> я с величайшим уважением воспринял мужество ученого, осмелившегося противостоять официальной трактовке, приравнявшей “Слово...” чуть ли ни к “Манифесту коммунистической партии” и требующей неприкосновенности к тексту, который, естественно, не мог не измениться в процессе многовекового редактирования. Я был уверен, что демарш Зимина понудит исследователей более внимательно изучать замечательный памятник русского Средневековья. Так и оказалось в дальнейшем. Но Зимин своего главного противника подозревал в Лихачеве, который, в свою очередь, заподозрил во мне зиминского сторонника, но очень скоро, к счастью, разобрался в ситуации»³.

Приведенные воспоминания В. Л. Янина показательны как выражение позиции, которую разделяет, на наш взгляд, большинство крупных ученых, обращающихся в наше время к той памятной дискуссии о «Слове...»: научная состоятельность концепции Зимина ими не признается, но сам факт возникновения в те времена полемики «поверх идеологических барьеров» всячески приветствуется как попытка оздоровления обстановки в советской науке. Ведь и Д. С. Лихачев, как свидетельствует Я. А. Гордин, «предлагал опубликовать книгу Зимина, чтобы полемика была гласной и открытой»⁴, однако это было запрещено «сверху».

Думается, современному читателю также будет небезынтересно узнать об этом любопытном эпизоде, ярко обрисовывающем тот исторический контекст, в котором приходилось действовать академику Лихачеву в годы расцвета его научного творчества.

¹ Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП Ю. В. Зобниним и А. А. Михайловым.

² Гордин Я. А. Лихачев как моральный авторитет // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 50.

³ Янин В. Л. Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 32–33.

⁴ См.: Гордин Я. А. Указ. соч. С. 50.

Александр Александрович Зимин (1920–1980), без сомнения, является одним из крупных российских историков XX столетия. В сфере его научных интересов лежали различные аспекты истории России XI–XVIII веков. Видный современный исследователь, доктор исторических наук С. М. Каштанов, оценивает личность и заслуги А. А. Зимина перед наукой следующим образом: «Зимин был и остается гордостью российской исторической науки. Ученый с огромным творческим потенциалом, широчайшим кругозором и редкой научной интуицией, он вызывал уважение и восхищение и своими трудами, и своей личностью. Обладая ярко выраженным холерическим темпераментом, Зимин буквально “горел” жаждой творчества... Зимин был “ученым с мировым именем” в полном смысле слова. Не только российские, но и иностранные коллеги относились к нему с глубочайшим почтением, я бы сказал, с преклонением, а также с большой душевной теплотой. Ценились его труды, ценилась его эрудиция, острота мысли, остроумие, раскованность, искренность и желание помочь»⁵. Другой видный историк В. М. Панеях пишет о А. А. Зимине следующее: «Выдающийся многогранный талант А. А. Зимина как ученого сочетался с его необычной работоспособностью, преданностью науке и бескорыстной увлеченностью поисками исторической правды»⁶.

А. А. Зимин учился на историческом факультете МГУ (1938–1941), историко-филологическом факультете Среднеазиатского университета (окончил в 1942 г.), в аспирантуре Института истории АН СССР. В 1947 году защитил кандидатскую диссертацию о землевладении и хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV — начале XVIII века и начал работу в Институте истории АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. С 1951 года он являлся старшим научным сотрудником того же Института. Уже в самом начале исследовательского пути Александр Александрович зарекомендовал себя как чрезвычайно яркий и талантливый ученый. С. М. Каштанов отмечал: «Кандидатская диссертация А. А. Зимина поражает читателя, прежде всего, размахом творческой инициативы автора и продуктивностью примененной им методики исследования. Его работа — принципиально новый этап в подходе к изучению истории крупной духовной корпорации»⁷. Случай, когда уже кандидатская диссертация оценивается специалистами как «принципиально новый этап» в исследовании крупной научной проблемы — безусловно, редчайший.

В 1950-е годы А. А. Зиминым был подготовлен целый ряд работ, посвященных русской общественно-политической мысли XVI века и таким ее представителям, как Иосиф Волоцкий⁸ и Федор Карпов⁹. Данные исследования закономерно привели А. А. Зимина к научному сотрудничеству с Д. С. Лихачевым — тогда уже одним из наиболее авторитетных специалистов в изучении древнерусской литературы. В 1956 году вышел в свет сборник сочинений видного русского публициста XVI века Ивана Семеновича Пересветова, над которым А. А. Зимин и Д. С. Лихачев работали вместе, причем оба исследователя поместили в сборнике свои статьи¹⁰.

По воспоминаниям коллег, в период совместной работы А. А. Зимин испытывал к Д. С. Лихачеву огромное уважение, восхищался им. Так, С. М. Каштанов вспоминает: «Однажды А. А. Зимин показал мне фотографию, где в числе прочих был запечатлен Д. С.

⁵ Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 389.

⁶ Панеях В. М. Панорама истории России XV–XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 80.

⁷ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 371.

⁸ Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 159–177.

⁹ Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 160–174.

¹⁰ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения // Пересветов И. Сочинения. М.; Л., 1956; Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Там же. С. 28–56.

Лихачев. Зимин спросил меня, узнаю ли я, кто тут Лихачев. Я, конечно, не узнал. Зимин возмутился и с восторгом отозвался об этом ученом»¹¹.

В 1958 году была опубликована монография А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.»¹². Позже он защитил ее в качестве докторской диссертации. Показательно, что Д. С. Лихачев в дальнейшем также неоднократно обращался к наследию Ивана Пересветова и его роли в развитии русской общественной мысли.

Для А. А. Зимина период работы над «пересветовской темой» стал временем активного формирования присущих ему методов исследования, выработки собственного исследовательского почерка. Еще в 1954 году он писал видному ленинградскому историку Б. А. Романову: «Исторически тема с Пересветовым очень трудна и требует “труппы” и “хоров”. Если же ее свести к ковырянию в списках и редакциях, то она перестанет быть исторической <...> Пересветов — соло — невозможен, скучен...»¹³ Здесь нельзя не отметить, что подобный подход к влиянию исторической среды на тот или иной текст был очень близок Лихачеву. В своей широко известной работе «Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв.», завершенной в 1962 году, Дмитрий Сергеевич отмечал: «На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника»¹⁴. Именно многочисленные люди, окружавшие автора, и есть те «труппы» и «хоры», о которых писал А. А. Зимин.

Лихачевское стремление показать и раскрыть на основе конкретных фактов глубокие исторические закономерности будет присуще Зимину на протяжении всей его исследовательской деятельности. В предисловии к одному из наиболее ярких своих исследований — монографии «Витязь на распутье» Александр Александрович писал: «Историку легче рассказать о том, как все происходило, чем понять, почему так произошло. Это тем более сложно, когда размышляешь о переходных эпохах, когда победившие правители “переписывали историю”...»¹⁵ Здесь нелишне заметить, что А. А. Зимин относился к Б. А. Романову как к своему учителю, наставнику. Сам же Б. А. Романов, крупный исследователь Киевской Руси, по своим научным интересам был тесно связан с Лихачевым. По воспоминаниям Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, Д. С. Лихачев еще в 1948 году не побоялся выступить в защиту книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», которая подверглась грубым и необоснованным нападкам со стороны партийных «идеологов»¹⁶.

Одновременно с научной работой А. А. Зимин вел активную преподавательскую деятельность: с 1947 по 1972 год он работал в Московском государственном историко-архивном институте в качестве старшего преподавателя (1947–1950), доцента (1950–1970), профессора (1970–1973). По отзывам коллег, он пользовался большой любовью и уважением студентов, преподавал очень ярко и интересно. «Он (А. А. Зимин. — *Прим. авт.*), — вспоминает С. М. Каштанов, — не терпел академическую напыщенность и

¹¹ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 377.

¹² Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

¹³ Цит. по: Панях В. М. Указ. соч. С. 70.

¹⁴ Цит. по: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 45–46.

¹⁵ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 4.

¹⁶ Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946–1953) // Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1997. Т. 50. С. 29–30, 535.

псевдонаучность. Юмор, остроумие и доброта — неотъемлемые черты его личности»¹⁷. Нелишне отметить, что стойкую неприязнь к «псевдонаучности» испытывал также Дмитрий Сергеевич, который в своих работах избегал нарочитой усложненности, присущей многим академическим текстам, подчеркивал, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»¹⁸, если она не обусловлена логикой научного доказательства.

Немало общего у Д. С. Лихачева и А. А. Зимина было и в отношении к целому ряду вопросов методологии научного исследования. Так, оба ученых испытывали повышенный интерес к вопросам текстологии и, в частности, к трудам А. А. Шахматова. В силу данных обстоятельств А. А. Зимин не мог не заинтересоваться вышедшим в свет летом 1962 года сборником статей ««Слово о полку Игореве» — памятник XII века», который был подготовлен Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. По воспоминаниям супруги ученого, Валентины Григорьевны Зиминной, он «буквально “заболел” “Словом...” <...> после чего последовало напряженное, прямо-таки азартное, внимательнейшее изучение всего о “Слове” написанного»¹⁹.

Сопоставляя текст «Слова о полку Игореве» с другими произведениями древнерусской литературы, А. А. Зимин пришел к неожиданному выводу, что оно было написано вовсе не в XII веке, а гораздо позже — в XVIII столетии и представляет собой блестящую стилизацию древнерусского памятника («пастиш»). Автором «Слова...» А. А. Зимин посчитал талантливое богослова о. Иоиля (Быковского) (1706–1798), у которого А. И. Мусин-Пушкин, по собственному утверждению последнего, приобрел рукопись.

Важнейшим аргументом для такой датировки «Слова...», по мнению Александра Александровича, являлся характер его взаимоотношений с «Задонщиной» — воинской повестью, посвященной Куликовской битве (1380). Зимин полагал, что «Задонщина» сохранилась в первичной (Краткой) и вторичной (Пространной) редакциях и что именно списки Пространной редакции обнаруживают наибольшую близость к «Слову...». Соответственно, утверждал он, «Слово...» могло быть создано лишь после возникновения Пространной редакции «Задонщины», то есть не ранее 20-х годов XVI века. Другими важными источниками для написания «Слова...» были, по мнению Александра Александровича, Ипатьевская летопись и некоторые памятники русского, белорусского и украинского фольклора. Ученый также находил в «Слове...» идеи, актуальные для XVIII века, считал, что оно может быть истолковано как «призыв к присоединению Крыма и победоносному окончанию Русско-турецкой войны»²⁰.

15 февраля 1963 года А. А. Зимин направил Д. С. Лихачеву, с которым, как говорилось выше, был давно связан научными интересами, письмо с просьбой заслушать на заседании Сектора древнерусской литературы его доклад на тему «К изучению “Слова о полку Игореве”». Заседание состоялось 27 февраля, к сожалению, в отсутствие самого Дмитрия Сергеевича, который в то время оказался в больнице. Выступление продолжалось три часа. Сам ученый впоследствии вспоминал: «...это был первый доклад, который я делал не по бумажке (потому как работы-то самой еще не было), была груда материала и уйма выводов»²¹. Заседание собрало, совершенно неожиданно для его организаторов, нетипично большое для научных мероприятий количество слушателей и участников дискуссии — около 150 человек, среди которых оказалось немало студентов. Изложенная Зиминим гипотеза вызвала немало возражений, но каких-либо окончательных выводов участники заседания не сделали.

¹⁷ Капитанов С. М. Указ. соч. С. 369.

¹⁸ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб., 1996. С. 112.

¹⁹ Зимина В. Г. К читателю // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. С. 3.

²⁰ См.: Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 144.

²¹ Зимина В. Г. Указ. соч.

По возвращении в Москву Александр Александрович подвергся «проработке» со стороны руководства Института истории АН СССР за то, что сделал доклад по собственной инициативе, без согласования с руководителями. Одновременно ему было предложено представить его тезисы для публикации в журнале «Вопросы истории», где их предполагалось напечатать с сопроводительной статьей М. Н. Тихомирова. Зимин от такого предложения отказался, ибо публикация тезисов неизбежно закрывала дорогу для последующей публикации полномасштабного исследования. Тогда начальство потребовало от исследователя подготовить научный текст с изложением доводов, приведенных на заседании в Институте литературы. Вот что писал об этом впоследствии сам ученый: «Работу о “Слове...” меня заставило написать начальство, стенограммы заседания не было, а ему очень хотелось меня “проработать”. Требовался для этого мой какой-либо, хоть плохенький (а это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник, который сохранился в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах»²².

Речь в данном случае идет о работе «“Слово о полку Игореве”»: (Источники, время написания, автор)», объемом в 660 страниц, которая была напечатана на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр (1963). Экземпляры были направлены ученым, которых предполагалось привлечь к обсуждению гипотезы, причем исследователи получали книги строго по списку, так, словно речь шла не о научном, историческом исследовании, а о неких сверхсекретных материалах, разглашение которых угрожает безопасности государства.

Само обсуждение состоялось в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года. На него было приглашено около 100 ученых, причем более 30 из них сделали более или менее развернутые выступления. Среди выступавших были крупнейшие специалисты в области истории, филологии, археологии, ученые с мировыми именами: Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, О. В. Творогов и др. Вместе с тем на обсуждении присутствовали и в значительной мере контролировали его ход представители официальной «идеологической машины». Среди них — секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и вице-президент Академии наук П. И. Федосеев, научные работы которых были посвящены философии марксизма-ленинизма. Участвовали также ученые, специализация которых представляется очень далекой от обсуждаемой проблемы. Однако занимаемые ими высокие номенклатурные должности не позволяли остаться в стороне от дискуссии: директор Института истории АН СССР В. М. Хвостов и академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков, оба — специалисты в области международных отношений.

Подробный отчет о заседании был опубликован в том же 1964 году на страницах журнала «Вопросы истории»²³. Однако публикация производилась под контролем партийных органов (видимо, в лице Л. Ф. Ильичева). В результате, наиболее подробно в ней изложены доводы научных оппонентов А. А. Зимины — особенно Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова²⁴. Вместе с тем нельзя отрицать, что многие положения новой гипотезы действительно оказались уязвимы для критики. Ученые различных специализаций аргументированно указывали Зимину на неточную трактовку им многих терминов и исторических реалий, на огрехи в переводе текста и т. д.

Сам А. А. Зимин в заключительном слове сказал: «Результаты обсуждения настолько значительны и интересны, что потребуются значительная работа, чтобы все это переварить, продумать еще раз. Высказана была масса интересных мыслей, наблюдений, масса полезного. Лично для себя я получил много полезного. <...> Мне хочется иметь возможность еще не один раз обратиться за консультациями, за помощью к присутствующим, к их большим знаниям, которыми я, конечно, не всегда обладаю. <...>

²² Там же. С. 4.

²³ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121–140.

²⁴ Стенограмма заседания хранится в архиве Российской Академии наук (Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964)).

И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали, очень хорошо работали, на этом совещании, я думаю, что советская историческая наука и советская наука вообще только выиграет. <...> И такое собрание, какое было организовано сейчас, — деловое, без лишних людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание»²⁵.

Явная несправедливость заключалась, конечно, не в научной критике работы А. А. Зимина как таковой, а в том идеологическом давлении, которому подвергся исследователь. Даже в отредактированном партийной цензурой отчете мрачное впечатление производит, например, фрагмент выступления Е. М. Жукова. Подводя итог долгой, очень глубокой в научном отношении дискуссии, тот заявил: «...подготовка и проведение обсуждения явились не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выяснилось, что обсуждение концепции не заслуживает того внимания, которое ей было уделено»²⁶. Жуков добавил также, что «опровержение надуманных построений отвлекло на значительное время многих специалистов от текущей работы»²⁷. Власти, таким образом, фактически ставили крест на любых попытках продолжить дальнейшую разработку гипотезы Александра Александровича, заявляя, что никакого нового обсуждения быть не должно.

Важно подчеркнуть, что **Д. С. Лихачев выступал против перевода обсуждения работы А. А. Зимина из научной сферы в идеологическую.** В преамбуле к своему выступлению он подчеркивал: «Еще одно замечание, которое я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности “Слова о полку Игореве” является научным спором и привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует»²⁸. Таких же принципов придерживались и многие другие сотрудники Института истории литературы АН СССР, в частности Л. А. Дмитриев писал А. А. Зимину: «В вопросе о “Слове...” я твой противник и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики»²⁹.

Многие из выступавших на обсуждении ученых, не соглашаясь с доводами А. А. Зимина, говорили тем не менее о необходимости опубликовать его работу. Так, О. В. Творогов, в частности, отмечал: «На вопрос о судьбе работы А. А. Зимина я с полной решимостью отвечаю: она должна быть издана <...> если же книга опубликована не будет, советской науке будет нанесен непоправимый ущерб. О гипотезе А. А. Зимина не забудут, будут продолжаться плодиться слухи и домыслы, проповедниками скептического отношения к “Слову...” станут добровольные интерпретаторы взглядов А. А. Зимина, любители сенсаций и эффектов. В то же время историки древнерусской литературы будут лишены возможности научно спорить, отстаивать свою точку зрения»³⁰. Как показало время, это было мудрое, провидческое замечание.

Тем не менее власть имущие рассудили иначе. Еще до обсуждения, 4 марта, книгу затребовал председатель идеологической комиссии Л. Ф. Ильичев, а 16 марта А. А.

²⁵ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» // Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 20, л. 138–139. См. также: *Соколова Л. В.* Новые мифы о старом: (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») [Электронный ресурс] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Электрон. дан. Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3229>. Загл. с экрана.

²⁶ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». С. 140.

²⁷ Там же.

²⁸ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». № 3, л. 16–17. См. также: *Соколова Л. В.* Указ. соч.

²⁹ *Соколова Л. В.* Указ. соч.

³⁰ Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 15, л. 69; *Соколова Л. В.* Указ. соч.

Зими́на вызвали к вице-президенту АН СССР П. Ф. Федосееву, который в присутствии Е. М. Жукова, директора Института истории В. М. Хвостова, ученого секретаря Отделения истории АН СССР Ю. В. Бромлея и академика Б. А. Рыбакова сообщил, что, хотя обсуждение и состоится, книга напечатана не будет³¹. Бесспорно, что фактический запрет публикации грубо противоречил принципам научной этики. Ученый с горечью писал в своем дневнике: «Корифеи науки заговорили языком публицистов. <...> Получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на несправедном процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о «Слове...», никто не имел права брать себе в союзники жандармов»³².

Впрочем, после обсуждения А. А. Зимин не прервал работы над «Словом...», постоянно уточнял и подкреплял аргументацию своей гипотезы. Так, в статье ««Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор», опубликованной в 1967 году³³, Александр Александрович развивает свою мысль о том, что автор «Слова...» был любителем фольклора и именно под воздействием «народных образцов» трансформировал текст «Задонщины». Ярко выраженная индивидуальная творческая манера повествования, своеобразие приемов изображения героев в «Слове...», по мнению А. А. Зимина, не соответствовали «литературным явлениям Древней Руси XII в.»³⁴. В другой статье, «Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»»³⁵, вышедшей в свет годом позже, ученый возвращается к анализу так называемого «текстологического треугольника», то есть взаимоотношений «Слова...», «Задонщины» и Ипатьевской летописи. Он утверждает, что автор «Слова...» черпал фактографию похода князя Игоря Святославича именно из Ипатьевской летописи и из нее же взял многие лексические обороты.

С другой стороны, многие видные ученые также продолжали участвовать в полемике, причем споры, порой, принимали очень эмоциональный характер. Достаточно упомянуть, что статья Б. А. Рыбакова, Ф. П. Филина и В. Д. Кузьмина, направленная против положений статьи А. А. Зимина «Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»» получила весьма публицистическое название: «Старые мысли, устарелые методы»³⁶. Современный историк В. М. Панеях справедливо видит в событиях, развернувшихся вокруг гипотезы А. А. Зимина, своеобразный знак времени, когда недолгая политическая «оттепель» подходила к концу: «...выводы автора не были приняты официальной наукой, а сам он был подвергнут длительной травле. В то же время его источниковедческая методика, в скрытой форме воспринятая и использованная оппонентами, замалчивалась ими. Вся эта история — одно из свидетельств того, что десталинизация не стала необратимым процессом и, напротив, начала отступать...»³⁷

В отличие от некоторых своих коллег, **Д. С. Лихачев всегда оставался в рамках строго научной дискуссии, причем его критика гипотезы Зимина носила глубоко аргументированный характер.** Уже в 1964 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Дмитрия Сергеевича «Когда было написано «Слово о полку Игореве»?», которая включала как положения, высказанные во время дискуссии в Отделении истории АН СССР, так и новые аргументы в пользу древности «Слова...». Показательно, что первый раздел своей статьи Д. С. Лихачев озаглавил: «Absit invidia»,

³¹ Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» (фрагменты из книги) / публ., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Формозов // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 99.

³² Зимин А. А. Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88.

³³ Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 1. С. 212–224.

³⁴ Там же. С. 222.

³⁵ Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64.

³⁶ Рыбаков Б. А. Старые мысли, устарелые методы: (ответ А. А. Зимину) / Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмин, Ф. П. Филин // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153–176.

³⁷ Панеях В. М. Указ. соч. С. 77.

что в переводе с латыни означает «Пусть не будет злобы». Подчеркивая важность развернувшейся дискуссии, ученый писал: «Во времена культа личности Сталина, когда научные дискуссии сплошь да рядом превращались в проработки, не было возможности не только выступить тем, кто сомневался в подлинности “Слова...”, но и тем, кто хотел защитить его от сомнений... Защитники “Слова...” не могли привести развернутую аргументацию, так как не имели возможности подробно изложить доводы своих противников... Привычка обвинять, а не спорить сослужила дурную службу науке»³⁸. Д. С. Лихачев хотел, разумеется, именно «спорить», причем спорить обоснованно. Показательно, что к вопросу о времени написания «Слова...» он возвращался в целом ряде работ, в том числе в фундаментальном исследовании «Историческая поэтика русской литературы»³⁹.

Как уже говорилось, **центральной научной проблемой дискуссии явилось определение источника подражания в истории создания двух, действительно похожих текстов:** Зимин полагал, что автор «Слова...» подражал «Задонщине», Лихачев видел в «Задонщине» подражание «Слову...». Приведем лишь некоторые из аргументов ученого, в которых проявился блеск Лихачева-полемиста: «“Задонщина”, — пишет он, — небольшое произведение, созданное на грани XIV–XV веков и прославляющее куликовскую победу “за Доном” (отсюда название этого произведения). <...> “Задонщина” — также нестилизационное подражание произведению эпохи независимости Руси — “Слову о полку Игореве”. В отличие от “Слова о полку Игореве”, “Задонщина” стилистически неоднородна. Три стилистических слоя легко могут быть обнаружены во всех списках “Задонщины”: 1) стилистический слой, близкий к “Слову о полку Игореве” и буквально повторяющий отдельные элементы “Слова”; 2) стилистический слой “делопроизводственного” характера, совершенно чуждый “Слову”, и 3) слой фольклора. Два первых слоя очень характерны для всех списков “Задонщины” и находятся между собой в резком диссонансе. <...> Иногда смешение [этих] двух стилей — высокого поэтического и делового прозаического производит прямо-таки комическое впечатление. Так, делопроизводственность проникает даже в плач московских жен. Если в “Слове...” жены русских воинов упомянуты в общей массе как поэтический образ, который должен характеризовать тяжесть утрат (“Жены руския въсплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати”), то привыкший к деловой точности и чиновничеству московской бюрократии автор “Задонщины” уточняет: *кто именно из жен плакал и о ком именно*; это почти официальная реплика о плаче жен — жен официальной московской бюрократии: “Въспели бяше птицы жалостные песни. Все въсплакалис<я> к ней боярыни избьенных, воеводины жены: *Микулина жена Васильевич<а>*, да *Марья Дмитриева* рано плакашас<я> у Москвы у берега на забралах, а ркучи: “Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеша в землю По<ло>вецкую. Прилилеи моего государя ко мне *Микулу Васильевич<а>*”, *Тимофеева жена Волуевич<а> Феодос<ь>я* так<о> плакас<я>, а ркучи: “Уже весел<ь>е понич<е> в славне гради Москве, уже не вижу своег<о> государя *Тимофея Волуевич<а>* в животе”. *Да Ондреева жена Марья, да Михайлова Оксен<ь>я* рано плакашас<я>: “Се уж<е> нам обема солнце померкне на славне гради Москве”. Это не поэтический плач, а официальное сообщение о плаче. Поэтический стиль резко диссонирует с делопроизводственной точностью. <...> Стоит упомянуть и о таком географическом несоответствии в “Задонщине”. В “Слове...” в обращении Ярославны к Днепру говорится, что он “пробил” каменные горы сквозь землю Половецкую, и Днепр действительно пробивает каменные пороги как раз в том месте, где степные народы чаще всего нападали на русские ладьи. Это было самое опасное место земли Половецкой. В “Задонщине”, в плаче русских жен говорится несколько иначе:

³⁸ Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? С. 132.

³⁹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 190–208 и другие работы.

“Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеси в землю По<ло>вецкую”. Но Дон на своем пути не встречает порогов, а любой крутизны правый берег еще не позволяет сказать, что река “прирыла (прорыла) каменные горы”. Каменными были только пороги на Днепре. Следовательно, и здесь в “Задонщине” явная несообразность, объясняемая механичностью заимствования из “Слова...”⁴⁰. Лихачев заключает: «Итак, “Задонщина” — типичное для конца XIV — начала XV века нестилизованное подражание памятнику эпохи независимости Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы»⁴¹.

Книга А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» увидела свет через много лет после смерти автора, в 2006 году. В подготовке ее к публикации приняли участие видные исследователи из Петербурга и Москвы: О. В. Творогов, А. Л. Хорошкевич, В. П. Козлов, А. А. Формозов. Нельзя не отметить, что ее появление сразу же вызвало бурные споры. К сожалению, в отзывах на книгу некоторых журналистов и публицистов иногда присутствует стремление к некоторой сенсационности, весьма далекой от взвешенного, научного подхода⁴². Между тем **публикация работы, несомненно, является актом справедливости по отношению к выдающемуся исследователю**, своего рода оплатой морального долга всего научного сообщества перед его памятью.

Трудно не согласиться также с О. В. Твороговым, который в предисловии к этой книге пишет о ее научном значении: «А. А. Зимина нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем “слововедения”, существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга — наиболее полный свод возражений защитникам древности “Слова...”, и без ответа на все доводы и сомнения А. А. Зимина нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора — самого основательного из “скептиков” — окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности “Слова...” осталось мало шансов на будущее...»⁴³ И далее О. В. Творогов решительно заявляет: «Должен признать, что, прочитав книгу А. А. Зимина, я не изменил своего взгляда и по-прежнему считаю “Слово...” памятником древнерусской литературы»⁴⁴.

Дмитрий Сергеевич, безусловно, присоединился бы к этой позиции. Однако **несмотря на кардинально противоположную трактовку истории создания «Слова о полку Игореве» (по сравнению с Зиминым) в вопросах, касавшихся нравственных позиций творчества (в том числе научного), возможности свободно излагать свои взгляды и этики ведения дискуссий, Лихачев и Зимин, думается, не имели разногласий.** Полемика между этими выдающимися учеными останется в истории отечественной науки, в истории России незаурядным уроком нравственности для будущих поколений, достойным примером служения Науке, служения Истине.

⁴⁰ Там же. С. 190–192, 201.

⁴¹ Там же. С. 204.

⁴² Соколова Л. В. Указ. соч.

⁴³ Творогов О. В. О книге А. А. Зимина // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». С. 7.

⁴⁴ Там же.